Два слова в завершение. Мы можем соглашаться или спорить с либеральной программой Жоржа Корма, отстаивающего с рыцарской отвагой высокие принципы светского модерного универсализма. Но мы не можем не видеть здесь очевидного упрощения и схематизма. Мы уже знаем, что Модерн как историческая реальность всегда находился в более сложных отношениях с религиозными ценностями, чем это кажется строгим поборникам абсолютной светскости. Мы даже знаем, что земная утопия Модерна и христианский Небесный Град имеют несомненные пересечения. Мы давно знаем, что Модерн несводим к благородному вольтеровско-кантовскому универсуму и сам порождал уродливые крайности (включая тоталитаризм), вину за которые абсурдно «вешать» на религиозную реакцию или даже скрытые рецидивы монотеистических инстинктов. Мы также знаем, что современная Америка несводима к неоконсервативной волне, что Барак Обама сменил Дж. Буша-мл., что у идеи «войны цивилизаций», слава Богу, много противников; что Европа, по-видимому, все же выработала прочный иммунитет к такого рода манипуляциям. В общем — мир сложен. И потому рыцарство Жоржа Корма — как это и бывает с рыцарством вообще — кажется немного устаревшим.

И все же к некоторым важным предупреждениям, озвученным ливанским интеллектуалом, надо прислушаться. Геополитические мифы — да, существуют; политики манипулируют массовым сознанием; консервативные элиты — с Запада и Востока — склонны гиперболизировать конфликты «идентичности» и тем самым прямо угрожать достойному, терпимому общению внутри глобальной деревни. Поэтому — отдадим должное беспокойному и искреннему голосу, раздающемуся с Ближнего Востока — «солнечного сплетения» глобальных противоречий.

А. Агаджанян

Смирнов М. Ю. Религия и религиоведение в России. СПб: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2013. — 365 с.

Религия и наука о религии в России — такова тема новой монографии Михаила Юрьевича Смирнова. Предисловие «От автора» обстоятельно очерчивает этапы его более

чем тридцатилетнего религиоведческого служения и органично подводит к глубокой и знаковой саморефлексии относительно отечественной религии и ее научного исследования. Диапазон и глубина этой исповедальной рефлексии весьма впечатляющи, и формат краткой рецензии позволяет нам затронуть лишь отдельные аспекты книги. Активно стимулируя интерес к научному знанию о религии, она, несомненно, получит немало откликов.

Солидный авторский замысел строго оснащен теоретически и опирается на представительную отечественную эмпирию дореволюционных, советских и постсоветских времен. Прежде всего, книга адресована коллегам по религиоведческому «цеху». Философски и социологически насыщенные, методологически четкие размышления автора хорошо упорядочены и немногословны. Достаточно веско аргументированы обобщения и выводы. Научный аппарат оснащен весьма скрупулезно (более 600 сносок на отечественные и зарубежные источники). Вместе с тем теоретически уплотненный текст изложен понятным, отчетливым (местами даже образным) языком, а потому вполне доступен любознательному читателю. Автор стремится к содержательному, реалистичному и панорамному обзору. Монография разделена на три основные и достаточно объемные части: 1. «Религия в России: ракурсы истории и современности»; 2. «Религиоведение и социология религии в России»; 3. «*Personalia*».

В двух первых главах отечественная религия в ее различных исповеданиях (православие прежде всего) подвергнута историческому анализу и предстает читателю в органическом комплексе — с ее мифологической и богословской составляющей, динамикой ее собственных институций, а также отношением к ней российского сознания. Правда, очень важный и противоречивый ее *ценностный потенциал* затронут разве что силуэтно. Но для проникновения в этот, скажем «внутрикультурный», аспект религии исследователю пришлось бы перейти на иную, «аксиологическую площадку», то есть за пределы им избранного панорамного философско-социологического обзора.

Весьма интересно обстоятельное и оригинальное осмысление религиозно-мифологического комплекса в российском сознании. В частности, анализ пресловутого отечественного «двоеверия». Автор констатирует, что тысячелетием осуществлявшаяся со стороны авторитарного государства ас-

симиляция православной церкви сформировала особый тип религиозной организации, которая способна приспособиться к любой политической системе и к любой господствующей идеологии. (с. 40). Так, быть православным, по официозному пониманию, означает прежде всего быть лояльным к власти. Длительное пребывание православия в отечественной истории подняло его на уровень национального символа (с. 49–50). Уместны и точны авторские соображения о модернизации социальной концепции ведущих исповеданий в постсоветском обществе. Особенно же, на наш взгляд, значимо и актуально обобщающее суждение: «Общим соображением о религии в России будет констатация неизбывной огосударствленности присущих ей институтов и практик, как необходимого фактора, органично дополняющего арсенал других крупнокалиберных средств достижения и поддержания целостности огромной страны» (с. 28). Затем в выборочном, но в то же время представительном историко-статистическом рассмотрении читателям приведена динамика религиозной «инфраструктуры» в дореволюционной России.

Следующий ракурс научного анализа — отношение к религии в современном Отечестве. «Для России, — констатирует автор, — отношение к религии — не только духовный вопрос, имеющий мистико-сотериологическое звучание, но и значимый аспект социальных исканий пути национального развития» (с. 153). Особенно популярна в постсоветской публицистике тема отношения населения к феномену «религиозного возрождения». Факторы этого уникального события мировой культуры довольно подробно описаны отечественными исследователями. В дополнение к этому, М. Ю. Смирнов замечает: «Нынешний возврат к религии также носит преимущественно институциональный характер — как обретение действенного средства для упорядочивания пространства российского общества, дезорганизованного „перестройкой“ и последующим лихолетьем. Причем вероучительное содержание религий остается практически не задействованным, более важны оказываются факт их присутствия и возможность ссылаться на них как на само собой разумеющийся залог грядущего благополучия» (с. 104).

Достаточно тщательно в книге описаны и осмыслены социологические данные относительно многообразных и пестрых вариаций новой отечественной религиозности, в которой наряду с преобла-

дающими традиционалистами-неофитами сформировалось множество ранее неведомых и причудливых типов вероисповедания. Особенно пристально здесь рассмотрен феномен нетрадиционных религий и новых религиозных движений (НРД). Обыденное сознание россиян отнеслось к феномену крайне настороженно. Кое-где даже возникли сообщества так называемых «антикультистов», которых поддержали ведущие традиционные религии, демонизируя НРД, навешивая таковым унижающие клички: «альтернативные», «деструктивные», «тоталитарные», «квази-», «псевдо-», «лже-» и т.д., вплоть до сакраментального термина «секты». «Свою лепту, — замечает М. Ю. Смирнов, — стимулирующую «антикультизм», вносят и представители обширного аппарата разных уровней власти, служащие государственных и муниципальных органов управления, так называемое чиновничество» (с. 142–143).

Сосредоточимся на анализе второй части монографии — «Религиоведение и социология религии в России». Российское религиоведение, как известно, намного моложе западных научных (особенно компаративных) аналогов. И все же, по оценкам автора, уровень знаний о религии, достигнутый отечественной научной мыслью к 1917 году, уже предполагал вполне оптимистичную перспективу для дальнейшего развития нашей дисциплины. Однако при господстве воинствующего безбожия религиоведение подменил «научный атеизм», а крайне редкие, действительно ценные изыскания о религии вынужденно прятались под камуфляжем иных отраслей знания. Автор правомерно вопрошает: «А было ли продолжение у наук о религии в нашей стране во времена „массового атеизма“»? Лишь с 1960–70-х годов «происходит нечто похожее на реанимацию и даже подъем отечественных наук о религии». Наблюдается заметный рост религиоведческих исследований по различным направлениям, появляются десятки профессионалов-религиоведов, складывается система подготовки специалистов по «научному атеизму», защищаются диссертации, создается Институт научного атеизма с опорными пунктами в ряде регионов. «В итоге явление „советского религиоведения“ утвердилось и обрело институциональность... Не было только главного, без чего не может существовать нормально устроенное религиоведение, — *указания именно на религию как предмет* исследования, с соот-

ветствующей концептуализацией взглядов и разработкой методологии, адекватной научному познанию этого предмета» (с. 157). Предмет «научного атеизма» состоял лишь из «двух аспектов» — опровержения религиозных представлений и утверждения научного понимания действительности.

По мнению М. Ю. Смирнова, российское религиоведение как таковое стало по-настоящему утверждаться только с середины 1990-х годов. Пристальный, системный, действительно объективный и самокритичный анализ его современного состояния («*самоосмысление*») — чрезвычайно значим для дальнейшей, более продуктивной эволюции нашей дисциплины. Постепенно она становится свободной от мировоззренческой и конфессиональной ангажированности. Научное исследование религии «не исключает личной религиозности, но и не обязывает быть приверженцем какого-либо вероисповедания. Требование объективности ставит содержание такого занятия вне какой бы то ни было культовой практики. Несомненный приоритет в религиоведении имеет *научно-познавательное отношение к религии*» (с. 166).

«Объем научных публикаций на религиоведческие темы обнадеживающе нарастает; качество многих из них свидетельствует, что нынешние российские исследователи не уступают в компетентности зарубежным коллегам» (с. 164). Но, к сожалению, «в настоящее время у религиоведения в России отсутствует фиксированный статус, его институциональные характеристики неустойчивы и размыты» (с. 171). Автор высказывает ряд конструктивных соображений, проясняющих предметную область, состав, понятийный аппарат отечественного религиоведения и его интеграцию в солидный арсенал зарубежья. Любопытны соображения об общих критериях профессиональной принадлежности религиоведов и их консолидации в России, а также об их собственном отношении к «религиозному фактору». М. Ю. Смирнов призывает к осмыслению мифологических проявлений в нашей дисциплине и к ее более действенному включению в диалог религиозной и светской культур. Однако, призывая к такому диалогу, автор, на наш взгляд, все же недоучитывает все более нарастающее противодействие тому со стороны влиятельных отечественных клерикалов и неоправданное снисхождение к ним со стороны властей светского государства.

Религиоведческую саморефлексию продолжает об-

стоятельный очерк об этапах эволюции отечественной социологии религии. Характеризуя советский этап изучения религиозности и атеизма, автор вносит некоторый «акцент» на ленинградские исследования. В целом же, оценивая этот этап, он утверждает: «Преобладающим было стремление продемонстрировать неуклонность отхода советских людей от религии... Однако даже «лукавые цифры» не могли скрыть, что немалая часть населения страны в целом, а по отдельным регионам — весьма значительная, сохраняла приверженность традиционной религиозной ориентации» (с. 227).

Переходя к современному периоду, М. Ю. Смирнов констатирует, что «самым трудоемким поприщем современной российской социологии религии остаются вопросы методологии, создание теоретического аппарата для систематизации и обобщения богатого эмпирического материала конкретных исследований» (с. 204). По его мнению, в социологических исследованиях ныне преувеличено внимание к религиозным институтам в ущерб исследованию социального смысла религиозных практик. Несообразна в научном отношении и особенно тревожна тенденция к отгораживанию конфессионально ангажированных исследователей от формирующегося сообщества социологов религии. «Главной же проблемой, с горечью констатирует автор, остается отсутствие среди приоритетов общественного сознания в России устойчивой потребности в объективных представлениях о религиозной жизни российского общества» (с. 207–208).

В заключительной части книги «Personalia» выделяется особенно характерная фраза: «Есть какое-то незримое „перетекание“ нравственного состояния в ученость и наоборот» (с. 236). Фраза особо выразительно подтверждает тезис о совершенно необходимых ученому-гуманитарию личной порядочности и моральной ответственности. Особенно же, на наш взгляд, эти качества необходимы религиоведу — исследователю тончайшей сферы культуры. Рассказ М. Ю. Смирнова о своих учителях — известных ленинградских ученых Н. С. Гордиенко и Р. П. Шпаковой — ярко подтверждает этот тезис. Этически взвешены и теоретически весомы удачно завершающие ценную монографию М. Ю. Смирнова комментарии к малоизвестным данным об отношении В. И. Ленина к религии и Библии.

М. Писманик